

Очкуренко С. В., Процевский В. А.

СПОСОБЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДЛЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ¹

Ochkurenko S. V., Protsevskiy V. A.

THE METHODS OF APPLICATION OF THE PROVISIONS OF CIVIL LEGISLATION FOR THE REGULATION OF FINANCIAL RELATIONS

В статье проводится исследование способов применения положений гражданского законодательства для регулирования финансовых отношений. Указывается, что основными способами применения гражданского законодательства к финансовым отношениям является субсидиарное правоприменение, в том числе использование в финансовом законодательстве гражданско-правовых понятий и конструкций, а также применение положений гражданского законодательства в результате прямых предписаний, сформулированных в бланкетных финансово-правовых нормах. Не исключено также применение гражданского законодательства к финансовым отношениям в порядке аналогии закона. Субсидиарное правоприменение отличается от аналогии закона отсутствием пробелов в законодательстве, а от бланкетных правовых норм, – отсутствием прямого указания на применение соответствующих положений гражданского законодательства. Основным условием правильного применения гражданского законодательства к финансовым отношениям является четкое разграничение финансовых и гражданских правоотношений. Поэтому перспективы дальнейшего исследования вопросов применения гражданского законодательства к финансовым отношениям автор видит в сфере исследования широкого круга вопросов, связанных с разграничением гражданского и финансового права.

Ключевые слова: гражданское законодательство, субсидиарное применение гражданского законодательства, аналогия закона, гражданско-правовые понятия, финансовые отношения.

The article investigates the ways of applying the provisions of civil legislation to financial relations. It is pointed out that the main ways of applying civil legislation to financial relations are subsidiary application of civil legislation, including the use of civil law concepts and constructions in financial legislation, as well as the application of civil law provisions as a result of direct requirements formulated in blanket norms of financial law. It is also possible to apply civil legislation to financial relations by legal analogy. Subsidiary application of civil legislation differs from the legal analogy in the absence of gaps in the legislation, and from

¹ Данная научная работа была выполнена на основе доклада Очкуренко С.В. на Региональном симпозиуме «Взяточничество и коммерческий подкуп в гражданско-правовых отношениях», проведенном Юридическим институтом ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» и Севастопольским региональным отделением Ассоциации юристов России 27 ноября 2019 года в городе Севастополе.

blanket norms of law, – in the absence of a direct reference to the application of the relevant provisions of civil law. The main condition for the correct application of civil law to financial relations is a clear distinction between civil and financial legal relations. Therefore, the author sees the prospects for further research on the problem of applying civil legislation to financial relations in the field of research of a wide range issues related to the differentiation of civil and financial law.

Keywords: *civil legislation, subsidiary application of civil legislation, legal analogy, civil law concepts, financial relations.*

В качестве предисловия к основному содержанию статьи следует сразу отметить, что по общему правилу гражданское законодательство не регулирует финансовые отношения. Это правило прямо закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее также – ГК РФ). В соответствии с пунктом 3 ст. 2 ГК РФ «к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством». Однако, как следует из содержания указанного положения, законодательством все же могут предусматриваться исключения из рассматриваемого правила. Такие исключения очень распространены ввиду активного межотраслевого взаимодействия гражданского и финансового права. Допуская их, законодатель использует различные способы и приемы применения гражданского законодательства к финансовым отношениям.

Следует также учитывать, что существует объективная и очень тесная взаимосвязь общественных отношений, которые регулируются нормами соответствующих отраслей права, так как движение денег осуществляется преимущественно в гражданско-правовой и финансово-правовой формах, переходя из одной формы в другую. Поэтому вопросы межотраслевого взаимодействия между гражданским и финансовым правом являются одним из наиболее актуальных и дискуссионных направлений современных юридических исследований.

Исследование этих вопросов необходимо не только для решения теоретических задач, связанных с определением соотношения частного и публичного права, но и имеет важное прикладное значение. Суд или другой юрисдикционный орган должен всегда определять конкретную отраслевую принадлежность каждого применяемого положения законодательства, поскольку от этого, как правило, существенно зависит содержание решения по делу.

В то же время в науке все чаще формулируются позиции о невозможности раз-

граничения гражданского и финансового или частного и публичного права [1, с. 45; 2, с. 34; 3, с. 43; 4 с. 15]. Наука должна содействовать практике правоприменения, а не усложнять ее. Одним из условий выполнения этой задачи является научное исследование разнообразных способов межотраслевого взаимодействия, что необходимо для юридической практики и обосновывает актуальность темы статьи.

Хотя проблема применения положений гражданского законодательства к финансовым отношениям специально не исследовалась, все же определенная методологическая почва для такого исследования юридической наукой создана работами ученых в сфере теории права (в частности, С.С. Алексеев, В.В. Лазарев, А.И. Абрамова, В.Н. Карташов, О.Ф. Скакун) и гражданского права (М.Н. Бару, Е.О. Харитонов и др.).

Целью настоящей статьи является исследование отдельных способов применения положений гражданского законодательства для регулирования финансовых отношений и формулирование на этой основе научно обоснованных положений, которые могли бы быть использованы при осуществлении правоприменения и учете в правотворческой деятельности.

Если исходить из того, что право и правоотношения являются надстройкой над экономическими и другими базисными отношениями, то финансовое право и финансовые правоотношения выступают надстройкой второго уровня. Фактические финансовые отношения являются надстройкой над экономическими и другими отношениями, а право, регулирующее эти отношения, и правоотношения, которые возникают в результате такого регулирования, являются надстройкой второго уровня. Указанное утверждение не опровергается тем обстоятельством, что фактические финансовые отношения не могут существовать иначе, как в форме финансовых правоотношений [5, с. 8], поскольку неразрывность фактических финансовых отношений и финансовых правоотношений совсем не означает, что первые как данность вообще не существуют.

Сущность финансового права как над-

стройки второго уровня предопределяет его тесные связи с отраслями права, которые регулируют базисные отношения, и, прежде всего, с гражданским правом. Это объективно обуславливает использование положений гражданского законодательства для регулирования финансовых отношений, применение этих положений к финансовым отношениям. Правила, которые установлены актами гражданского законодательства, могут регулировать финансовые отношения и применяться к ним субсидиарно.

Проблема субсидиарного праворегулирования и правоприменения давно замечена в юридической науке. К ней обращались М.Н. Бару, В.Н. Карташов, С.В. Поленина, В.О. Белоносов, А.И. Абрамова, Е.И. Спектор, В.В. Лазарев и другие ученые. Однако однозначного понимания понятия субсидиарного правоприменения никогда не существовало. Наипытнейшие ученые допускали досадные ошибки, обращаясь к этой теме. Так О.Ф. Скакун, характеризуя названное понятие, дважды в небольшом по размеру тексте указывает на возможность или невозможность субсидиарного применения гражданского права «к нормам» трудового, семейного, экологического права [6, с. 647]. Но положения законодательства субсидиарно применяются не «к нормам», а к общественным отношениям, правовое содержание которых неполно определено нормами основной отрасли права. При этом О.Ф. Скакун пишет: «Субсидиарное применение возможно только к нормам, которые включены как дополнительные к законодательным актам о семейных, трудовых и некоторых других отношениях... к нормам собственно трудового, семейного, экологического права общие положения гражданского права в порядке субсидиарности применяться не могут» [6, с. 647]. Это последнее утверждение указывает на такие ограничения субсидиарного применения норм гражданского права, которые в законодательстве не указываются²

В.В. Лазарев, который на протяжении длительного времени осуществлял исследование теоретико-правовых аспектов проблем применения права и пробле-

лов в праве, вслед за В.Н. Карташовым обозначает субсидиарное правоприменение как межотраслевую аналогию [7, с. 179]. Такое понимание субсидиарного правоприменения сохраняется до настоящего времени. Так, в учебнике, который был издан в 2011 году, О.Ф. Скакун определяет субсидиарное применение норм права как «решение дела или отдельного юридического вопроса при отсутствии норм в определенной отрасли права... при помощи дополнительного использования норм другой родственной отрасли права (межотраслевая аналогия)» [8, с. 429-430]. М.Н. Бару [9, с. 17], В.Н. Карташов [10, с. 30] признавали возможность субсидиарного правоприменения при отсутствии пробелов в законодательстве, но они также писали о преодолении пробелов в законодательстве с помощью субсидиарного правоприменения.

Между тем, субсидиарное правоприменение и аналогия закона – это разные понятия и правовые конструкции. Аналогия закона – это способ заполнения существующих в законодательстве пробелов на стадии правоприменения. При этом п. 1 ст. 6 ГК РФ указывает на возможность применения гражданского законодательства по аналогии только к отношениям, предусмотренным пунктами 1 и 2 статьи 2 настоящего Кодекса, то есть к отношениям, входящим в предмет регулирования гражданского законодательства. Таким образом, ГК РФ не предусматривает межотраслевой аналогии, в то время как п. 3 ст. 11 Гражданского процессуального кодекса РФ, п. 6 ст. 15 Кодекса административного судопроизводства РФ и п. 6 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса РФ не исключают межотраслевой аналогии (имеется в виду, что термин «сходные отношения» как условие применения аналогии закона может толковаться и так, что подобными могут быть и отношения, входящие в предмет разных отраслей права). Субсидиарное правоприменение прописывается законодателем, который при урегулировании отношений, являющихся предметом определенной отрасли права, имеет возможность выбора: сформулировать в законе новые специальные положения, принадлежащие к этой отрасли, или урегулировать эти же отношения, допуская частичное применение положений законодательства другой отрасли. И в первом, и во втором случае пробелов в законодательстве нет, что не дает возможности вести речь об использовании аналогии закона. Относительно случаев, когда в законодательном акте содержится указание о возможности применении

² Имеется в виду как законодательство Российской Федерации, так и законодательство Украины, на основе которого преимущественно вела свои исследования О.Ф. Скакун до 2014 года, в частности, положение ч.1 ст. 9 ГК Украины, согласно которому положения Гражданского кодекса применяются для урегулирования отношений в сферах хозяйствования, использования природных ресурсов, охраны окружающей среды, а также к трудовым и семейным отношениям, если они не урегулированы другими актами законодательства.

положений, которые распространяются на одни отношения, к другим отношениям, Е.О. Харитонов применяет термин «легальная аналогия». При этом он правильно указывает на то, что «легальная аналогия» не направлена на преодоление пробелов [11, с. 79-80]. Но термин «легальная аналогия» содержит в себе внутреннее противоречие, ибо аналогия предусматривает наличие пробелов, а легальное определение правовых норм, подлежащих дополнительному применению, исключает наличие пробелов.

Как уже указывалось, в соответствии с пунктом 3 ст. 2 ГК РФ к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством. Это существенное ограничение subsidiарного применения положений гражданского законодательства, которое распространяется практически на все финансовые отношения и, которое, безусловно, подлежит исполнению органами правоприменения. Вместе с тем, оно не исключает такого subsidiарного применения. Пункт 3 ст. 2 ГК РФ формулирует общее правило, которое действует, «если иное не установлено законом». Причем, по нашему мнению, иное может быть установлено законом не только в случаях прямой ссылки на гражданское законодательство, но и в тех случаях, когда законодатель в финансово-правовых целях прямо использует категории и конструкции гражданского законодательства без отдельного урегулирования их содержания актами финансового законодательства. Например, режим налогообложения конкретного субъекта всегда зависит от его гражданско-правового статуса и того, какие сделки он использует в своей деятельности. С другой стороны, нецелесообразно и вряд ли возможно полностью продублировать в тексте Налогового кодекса все гражданско-правовые термины и положения, которые могут повлиять на режим налогообложения.

Пунктом 1 статьи 11 Налогового кодекса Российской Федерации предусмотрено, что «институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства Российской Федерации, используемые в настоящем Кодексе, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом». Посколь-

ку значение терминов раскрывается не только в определениях соответствующих понятий, а и в законодательных положениях, устанавливающих правовые нормы, п. 1 ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации следует толковать как предписание subsidiарного применения к налоговым отношениям, в частности, норм гражданского права.

Бюджетный кодекс РФ прямо не устанавливает подобного положения. Но это, на наш взгляд, не влечет невозможность subsidiарного применения к бюджетным отношениям положений гражданского законодательства, если в Бюджетном кодексе прямо употребляется соответствующее гражданско-правовое понятие. Так, когда в статье Бюджетного кодекса, которая закрепляет норму бюджетного (финансового) права, используется понятие юридического лица, то это означает возможность применения к соответствующим бюджетным (финансовым) отношениям положений гражданского законодательства, определяющих признаки юридических лиц. При ином толковании мы должны будем прийти к выводу, что предписание Бюджетного кодекса, адресованные юридическим лицам, не подлежат применению, поскольку бюджетное законодательство не содержит необходимого набора признаков, позволяющих идентифицировать субъекта как юридическое лицо. Таким образом, считаем, что прямое использование в финансовом законодательстве понятий, терминов или конструкций, сформулированных исключительно гражданским законодательством, означает установление законом исключения из правила п. 3 ст. 2 ГК РФ о запрете использования гражданского законодательства к финансовым правоотношениям. Вместе с тем, учитывая масштабы использования гражданско-правовых конструкций в публично-правовых отношениях, и во избежание разных подходов в практике правоприменения, вышеуказанную формулировку п. 3 ст. 2 ГК РФ: «если иное не предусмотрено законодательством» целесообразно изложить в редакции: «если иное не установлено или не следует из содержания положений законодательства».

Одной из наиболее существенных особенностей subsidiарного применения гражданского законодательства к финансовым отношениям является то, что оно не изменяет отраслевую принадлежность финансовых правоотношений. Так, если в формулировке Бюджетного кодекса РФ используются слова «юридическое лицо», то возникшие в результате ее действия

правоотношения остаются бюджетными (финансовыми), хотя и предполагают дополнительное использование цивилистического нормативного материала. Из этого следует, что к таким отношениям также подлежат применению принципы и общие нормы именно бюджетного (финансового), а не гражданского законодательства.

Аналогичная ситуация возникает в тех случаях, когда при формулировании норм финансового права законодатель использует термины «солидарная обязанность» или «солидарная ответственность». М.В. Карасева (Сенцова) сделала вывод о том, что институт солидарных должников в налоговом праве является комплексным, гражданско-налоговым, а само явление использования гражданско-правовых институтов в сфере налогообложения квалифицирует как гражданско-правовую детерминацию налогового правотворчества и налогового правоприменения [12, с. 21-22]. Можно было бы согласиться с утверждением о том, что в налоговом законодательстве существует комплексный институт солидарных должников, в состав которого входят положения налогового и гражданского законодательства, устанавливающие финансово-правовые нормы, которые регулируют налоговые (финансовые) отношения. Признание такого комплексного института может быть конструктивным, по меньшей мере, для учебных целей: при изучении дисциплин, соответствующих отраслям права, всегда целесообразно на конкретных примерах показывать межотраслевые связи между правовыми положениями и их группами. Но М.В. Карасева ведет речь о комплексном гражданско-налоговом институте солидарных должников «в налоговом праве». Существование межотраслевых институтов внутри налогового права вообще исключается. Ошибка М.В. Карасевой обусловлена как раз той квалификацией, которую она дает применению положений гражданского законодательства к налоговым (финансовым) правоотношениям. В определенном аспекте тут действительно, как это утверждает М.В. Карасева, имеет место детерминация, если признавать такую ее разновидность как детерминация телеологическая. Но использование этой философской категории в данном случае лишено конструктивного характера, так как только вуалирует суть вещей и подталкивает к выводам, не соответствующим этой сущности. Наоборот, квалификация применения к налоговым солидарным обязательствам (налоговой солидарной ответственности) положений гражданского законодательства как субсиди-

арного правоприменения открывает возможность для выводов, которые соответствуют логике связей между соответствующими правовыми явлениями и которые заключаются в следующем: 1) положения гражданского законодательства применяются к налоговым отношениям в части, не урегулированной положениями налогового (финансового) законодательства; 2) субсидиарное применение положений гражданского законодательства к налоговым отношениям ни в коей мере не изменяет отраслевую принадлежность налоговых правоотношений. Они остаются налоговыми, финансовыми, публичными; 3) положения гражданского законодательства, которые субсидиарно применяются к налоговым отношениям, только по своему информационному содержанию остаются гражданскими. По своей правовой форме они становятся налоговыми, финансовыми, публичными.

От случаев субсидиарного применения гражданско-правовых понятий и конструкций в финансовом законодательстве следует отличать случаи, когда законодатель, используя такие понятия и конструкции, осуществляет их рецепцию в финансовое законодательство и в финансовое право, то есть преобразует соответствующие понятия и конструкции, придает им специальное значение с целью приспособления для регулирования финансовых отношений. Например, в бюджетном законодательстве широко применяется понятие денежного обязательства, установленное абзацем 24 ст. 6 БК РФ, согласно которому «денежные обязательства – обязанность получателя бюджетных средств уплатить бюджету, физическому лицу и юридическому лицу за счет средств бюджета определенные денежные средства в соответствии с выполненными условиями гражданско-правовой сделки, заключенной в рамках его бюджетных полномочий, или в соответствии с положениями закона, иного правового акта, условиями договора или соглашения». Здесь понятие денежного обязательства приобретает комплексное правовое содержание, но все еще тяготеет к его первоначальному гражданско-правовому значению. В отличие от денежного обязательства, преимущественно публично-правовое значение имеет понятие расходных обязательств, которое определяется абзацем 20 ст. 6 БК РФ как обусловленные законом, иным нормативным правовым актом, договором или соглашением обязанности публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации,

муниципального образования) или действующего от его имени казенного учреждения предоставить физическому или юридическому лицу, иному публично-правовому образованию, субъекту международного права средства из соответствующего бюджета. Сугубо финансово-правовое содержание приобретает понятие публичных обязательств, под которыми понимаются обусловленные законом, иным нормативным правовым актом расходные обязательства публично-правового образования перед физическим или юридическим лицом, иным публично-правовым образованием, подлежащие исполнению в установленном соответствующим законом, иным нормативным правовым актом размере или имеющие установленный указанным законом, актом порядок его определения (расчета, индексации) (абз. 22 ст. 6 БК РФ). Это понятие уже никак содержательно не связано с терминологически близкой конструкцией публичного договора, которая регулируется ст. 426 ГК РФ.

Оригинальная правовая конструкция установлена п. 4 ст. 93-4 Бюджетного кодекса Российской Федерации. Речь идет об исковой давности сроком пять лет, которая устанавливается по требованиям Российской Федерации относительно возврата бюджетных средств. Но эти требования, как и правоотношения, в содержание которых они входят, имеют разную правовую природу. Статья 93-2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, устанавливающая предоставление бюджетных кредитов публично-правовым образованиям и юридическим лицам, предусматривает их предоставление в гражданско-правовой форме, а из статьи 93-3 Бюджетного кодекса, предусматривающей предоставление межбюджетных кредитов, следует, что такие кредиты предоставляются в публично-правовой форме. И первые (гражданские), и вторые (финансово-правовые) отношения в ст. 93-4 БК РФ именуются обязательствами перед Российской Федерацией. К обоим этим случаям обязательств применяются положения, установленные Гражданским кодексом Российской Федерации относительно исковой давности. Но к гражданским обязательствам, предусмотренным ст. 93-2 Бюджетного кодекса, указанные правовые положения применяются прямо, а к финансовым обязательствам – субсидиарно. Последнее не означает возникновения публично-частных отношений, так как финансовые (публичные) правоотношения вследствие применения к ним положений гражданского законода-

тельства не утрачивают своего публично-го характера, а положения гражданского законодательства об исковой давности вследствие такого правоприменения приобретают характер публично-правовых норм.

От субсидиарного применения положений гражданского законодательства к финансовым отношениям нужно отличать случаи, когда законодатель в акте финансового законодательства формулирует бланкетную норму, которая предписывает применять к финансовым отношениям положения гражданского законодательства. При этом в содержании финансово-правового отношения может не появляться ничего гражданско-правового. В таких случаях положение гражданского законодательства, которое наполняет содержанием бланкетную финансово-правовую норму, также теряет гражданско-правовой характер применительно к таким отношениям. Применяется не гражданско-правовая норма, а бланкетная финансово-правовая норма с информационным содержанием, взятым из положения гражданского законодательства. Так, согласно подпункту 3 пункта 3 ст. 44 НК РФ «задолженность по налогам, указанным в пункте 3 статьи 14 и пунктах 1 и 2 статьи 15 НК РФ, умершего лица либо лица, объявленного умершим, погашается наследниками в пределах стоимости наследственного имущества в порядке, установленном гражданским законодательством Российской Федерации для оплаты наследниками долгов наследодателя». Здесь формулируется налогово-правовая норма. И любого другого юридического содержания в цитированном законодательном положении нет. Но налоговое законодательство не устанавливает порядка погашения наследниками задолженности по налогам умершего лица либо лица, объявленного умершим. Поэтому подпункт 3 пункта 3 ст. 44 НК РФ формулирует бланкетную норму, которая предусматривает применение порядка, установленного гражданским законодательством Российской Федерации для оплаты наследниками долгов наследодателя. На основании указанного законодательного положения к налоговому правоотношению прямо (а не субсидиарно) применяется ст. 1175 ГК РФ. При этом наследники погашают не долги перед третьими лицами, а выполняют обязанность по уплате налогов со всеми юридическими налогово-правовыми последствиями надлежащего или ненадлежащего исполнения этой обязанности. Поэтому в указанном случае порядок, предусмотренный ст.

1175 ГК РФ, утрачивает гражданско-правовое содержание и становится одной из налоговых процедур, выполнение которой прекращает обязанность по уплате налога. Законодатель мог бы текстуально перенести ее в Налоговый кодекс, но не сделал это исключительно с целью более лаконичного изложения нормативного материала.

В других случаях в актах финансового законодательства указывается на регулирование гражданским законодательством определенных гражданских отношений, связанных с финансовыми отношениями. Такое указание означает не формулирование бланкетной финансово-правовой нормы, а определение отраслевой принадлежности соответствующих отношений. Например, п. 7 ст. 73 и п. 6 ст. 74 НК РФ прямо предусматривают применение гражданского законодательства к отношениям поручительства как к способам обеспечения обязанности по уплате налогов, сборов, страховых взносов, если иное не предусмотрено законодательством о налогах и сборах.

В научной литературе высказываются разные позиции по поводу отраслевой принадлежности налогового поручительства. Д.А. Гетманцев отрицает гражданско-правовой характер этой правовой конструкции [4, с. 14]. Это его утверждение базируется на разграничении публичного и частного права по критерию метода правового регулирования. Публичное право использует императивный метод, а гражданское – диспозитивный метод, который описывается им как право сторон договора отступить от положений законодательства. Но и императивных норм в гражданском праве множество. Поэтому используемый Д.А. Гетманцевым критерий разграничения публичных и частных отношений не является универсальным для всех случаев отраслевой квалификации нормативных положений.

М.В. Карасева (Сенцова) утверждает, что правовой режим поручительства в сфере налогообложения является равнозначным таковому в гражданском праве, что эта правовая конструкция «работает» за пределами налогового правоотношения, а поэтому должна сохранять свою гражданско-правовую оригинальность [12, с. 21-22]. С этим утверждением следует согласиться, заметив, что автоматическое применение норм гражданского права о поручительстве к отношениям по обеспечению исполнения налоговой обязанности является невозможным, поскольку гражданское законодательство

предусматривает, что поручительством обеспечивается выполнение гражданских обязательств. Поэтому совершенно необходимым является общее указание в налоговом законодательстве на возможность применения поручительства с целью обеспечения выполнения обязанности по уплате налогов и сборов. Поручитель добровольно вступает в гражданское правоотношение с налоговым органом и в пределах этого правоотношения принимает на себя обязанности и ответственность, которые несет плательщик налога в обеспеченном поручительством налоговом правоотношении. Отсюда правоотношение по налоговому поручительству сохраняет свою гражданско-правовую природу, хотя содержание, объем прав, обязанностей и ответственности поручителя определяется, исходя из закона, объема обязанностей и ответственности налогоплательщика в налоговом правоотношении.

Сравнение Налогового кодекса РФ и Налогового кодекса Украины показывает, что публичный элемент в отношениях по обеспечению исполнения обязанности по уплате налогов и сборов в законодательстве Украины выражен более ярко. Так, Налоговый кодекс Украины в отличие от Налогового кодекса Российской Федерации не предусматривает заключения договора налогового залога, а основанием его возникновения устанавливает юридические факты налогово-правового характера. Но ярко выраженные публично-правовые элементы в положениях Налогового кодекса Украины по залому не превращают налоговый залог в финансово-правовое явление. По своей сути оно остается явлением гражданско-правовым. Эта сущность выражается в праве залогодержателя при соответствующих условиях получить удовлетворение за счет заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (ст. 334 ГК РФ). Преимущественное право залогодержателя перед другими лицами – это право на вещь, которое не может быть иным, нежели гражданским правом.

Если залогодателем является третье лицо, которое может быть обозначено как имущественный поручитель, то вещно-правовая составляющая залога также сохраняет свою гражданско-правовую природу. Поскольку такое правоотношение возникает на основании договора между субъектами, которые не подчинены один другому, оно должно квалифицироваться как гражданское. Этот вывод ставится

под сомнение статьей 125 Налогового кодекса Российской Федерации, которая устанавливает штраф за несоблюдение порядка владения, пользования и (или) распоряжения имуществом, относительно которого налоговым органом осуществлены обеспечительные меры в виде залога. При этом названная статья не содержит никакого указания на субъекта названного правоотношения. Следовательно, таковым может быть любой залогодатель, в том числе и имущественный поручитель. Таким образом, действующий Налоговый кодекс Российской Федерации за нарушение имущественным поручителем гражданско-правовых обязанностей устанавливает налогово-правовые санкции. Здесь нет теоретической чистоты. Но законодатель не лишен права отступить от теоретических постулатов для достижения цели, которую он оценивает как цель, ради которой можно пойти на отступление от теоретических схем. Что касается перспектив совершенствования законодательства, то они могут заключаться в установлении императивного требования о включении в договор налогового залога обязательного условия об ответственности залогодателя – имущественного поручителя за нарушение обязательства налогового залога в том же размере, в котором отвечает залогодатель – плательщик налога.

Нет необходимости в субсидиарном правоприменении в случаях осуществления государственных займов и предоставления кредитов за счет бюджетных средств, поскольку на такие отношения положения гражданского законодательства распространяются прямо. Утверждение о том, что такие отношения регулируются финансовым правом [13, с. 12], игнорируют то обстоятельство, что в такие отношения соответствующие субъекты вступают на основе вольного волеизъявления.

Финансовое право регулирует лишь те отношения, в пределах которых возникают финансово-правовые предпосылки для соответствующих сделок, связанные с принятием решения об осуществлении государственных займов. Но необходимость этих предпосылок не способна исключить гражданский характер правоотношений, о которых идет речь, как и государственный заказ, определенный соответствующим публично-правовым актом, не влияет на гражданско-правовой характер гражданских обязательств, возникающих на основании договоров, которые заключаются в соответствии с государственным заказом.

Таким образом, актами финансового законодательства предусмотрено заключение целого ряда гражданско-правовых договоров, а также возможность осуществления односторонних сделок, на основании которых возникают гражданские правоотношения, к которым прямо, а не субсидиарно применяются нормы гражданского законодательства, а также положения финансового законодательства, закрепляющие нормы гражданского права.

Финансовое законодательство предусматривает и заключение сугубо публичных договоров. Например, сугубо финансово-правовыми являются договора о предоставлении субсидий, предусмотренных Бюджетным кодексом РФ, или договор о предоставлении инвестиционного налогового кредита, предусмотренный Налоговым кодексом РФ. Договорная форма здесь не изменяет сугубо финансового (бюджетного или налогового) характера правоотношений. Поэтому, следует согласиться с позициями А.А. Рябова [14, с. 59-63] и Д.А. Гетманцева [4, с. 14] о том, что на такие виды договоров не распространяются общие положения об обязательствах и о действительности сделок. Однако, к возникающим отношениям возможно применение соответствующих положений ГК РФ по аналогии.

Таким образом, основными способами применения гражданского законодательства к финансовым отношениям является субсидиарное правоприменение, в том числе использование в финансовом законодательстве гражданско-правовых понятий и конструкций, а также применение положений гражданского законодательства в результате прямых предписаний, сформулированных в бланкетных финансово-правовых нормах. Не исключено также применение гражданского законодательства к финансовым отношениям в порядке аналогии закона. Субсидиарное правоприменение отличается от аналогии закона отсутствием пробелов в законодательстве, а от бланкетных правовых норм отсутствием прямого указания на применение соответствующих положений гражданского законодательства. Кроме того бланкетная правовая норма может указывать и на регулирование соответствующих отношений гражданским правом, а субсидиарное правоприменение не предполагает изменения отраслевой принадлежности отношений, а предусматривает лишь необходимость вспомогательного использования гражданского законодательства для уточнения динамики или содержания финансовых

правоотношений. При этом основным условием правильного применения гражданского законодательства к финансовым отношениям является четкое разграничение финансовых и гражданских правоотношений. Поэтому дальнейшие исследования проблем применения норм гражданского права к финансовым отно-

шениям должны вестись наряду с исследованием проблемы разграничения отношений, которые регулируются гражданским правом, с одной стороны, и отношений, которые регулируются финансовым правом, с другой стороны, а также исследованием разграничения норм гражданского и финансового права.

Литература

1. Дорохин С. В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект М.: Волтерс Клувер, 2008. 136 с.
2. Толстой Ю. К., Бошно С. В. О преподавании права на современном этапе // Право и современные государства. 2017. № 5. С. 31-42.
3. Толстой Ю. К. О преподавании гражданского права на современном этапе / Преподавание гражданского права в современных условиях: Сборник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. С. 42-48.
4. Гетманцев, Д. О. До питання про предмет і метод фінансового права // Фінансове право. 2008. № 2. С. 13-16.
5. Воронова Л.К. Наука фінансового права та її сучасні завдання // Фінансове право. 2007. № 1 С. 5-9.
6. Скакун О.Ф. Теория государства и права (энциклопедический курс) Харьков: Эспада, 2005. 840 с.
7. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения М.: Юрид. литература, 1974. 184 с.
8. Скакун О.Ф. Теорія права і держави: Підручник. К.: Правова єдність, 2011. 520 с.
9. Бару М.Н. О субсидиарном применении норм гражданского права к трудовым правоотношениям // Советская юстиция. 1963. № 14. С. 16-18.
10. Карташов В.Н. Применение права: Учебное пособие /В.Н. Карташов – Ярославль: Ярославский государственный университет, 1980. – 74 с.
11. Харитонов Е.О. Нариси теорії цивілістики (поняття та концепти): Монографія. Одесса: Феникс, 2008. 464 с.
12. Карасева (Сенцова) М.В. Гражданско-правовая детерминация налогового протворчества и правоприменения // Финансовое право. 2012. № 4. С. 21-26.
13. Худяков А.И. К вопросу о содержании некоторых финансово-правовых категорий // Финансовое право. 2010. № 2. С. 10-13.
14. Рябов А.А. Институт недействительности сделок и финансово-правовые договоры // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. N 10. С. 59 - 63.

References

1. Dorokhin S. V. Delenie prava na publichnoe i chastnoe: konstitutsionno-pravovoy aspekt [Division of the law into public and private: constitutional law aspect]. Moscow, 2008. 136 p.
2. Tolstoy Yu. K., Boshno S. V. O prepodavanii prava na sovremennom etape [On the teaching of civil law at the present stage] // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2017. № 5. pp. 31-42.
3. Tolstoy Yu. K. O prepodavanii grazhdanskogo prava na sovremennom etape [On the teaching of civil law at the present stage]. Prepodavanie grazhdanskogo prava v sovremennykh usloviyakh: Sbornik. [The teaching of civil law in modern conditions: Collection]. Saint-Petersburg, 1999, pp. 42-48.
4. Getmantsev D. O. Do pitannya pro predmet i metod finansovogo prava [On the subject and method of financial law]. Finansove pravo. 2008, № 2, pp. 13-16.
5. Voronova L.K. Nauka finansovogo prava ta i'i' suchasni zavdannja [Science of Financial law and its modern problems] // Finansove pravo. 2007. № 1. pp. 5-9.
6. Skakun O.F. Teoriya gosudarstva i prava (entsiklopedicheskiy kurs) [Theory of State and Law (encyclopaedic course)] Khar'kov: Espada, 2005. 840 p.
7. Lazarev V.V. Probely v prave i puti ikh ustraneniya [Gaps in the law and how to overcome them] Moscow: Yurid. literatura, 1974. 184 p.
8. Skakun O.F. Teoriya prava i derzhavi: Pidruchnik. [Theory of Law and State: Tutorial] Kiev: Pravova ed-nist', 2011. 520 p.
9. Baru M.N. O subsidiarnom primenenii norm grazhdanskogo prava k trudovym pravootnosheniyam [On the subsidiary application of the rules of civil law to labour law] // Sovetskaya yustitsiya. 1963. № 14. P. 16-18.
10. Kartashov V.N. Primenenie prava: Uchebnoe posobie [Application of the law: Tutorial] Yaroslavl': Yaroslavskiy gosudarstvennyy universitet, 1980. – 74 p.
11. Harytonov Je.O. Narysy teorii' cyvilistyky (ponjattja ta koncepty): Monografija. [Essays on the theory of civil law (terms and concepts): Monograph] Odessa: Fenyks, 2008. 464 p.
12. Karaseva (Sentsova) M.V. Grazhdansko-pravovaya determinatsiya nalo-govogo

pravotvorchestva i pravoprimeneniya [Civil legal determination of the tax law-making and law enforcement] // Finansovoe pravo. 2012. № 4. pp. 21-26.

13. Khudyakov A.I. K voprosu o sodержanii nekotorykh finansovo-pravovykh kategoriy [On the question of the content of some financial legal categories] // Finansovoe pravo. 2010. № 2. pp. 10-13.

14. Ryabov A.A. Institut nedeystvitel'nosti sdelok i finansovo-pravovye dogovory [Institute for the Invalidity of Transactions and Financial Legal Agreements] // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2015. N 10. pp. 59 - 63.

ОЧКУРЕНКО Сергей Владимирович, доктор юридических наук, заведующий кафедрой «Финансовое и налоговое право» Юридического института, Севастопольский государственный университет, 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33. E-mail: svochkurenko@sevsu.ru

ПРОЦЕВСКИЙ Виктор Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры «Гражданское право и процесс» Юридического института, Севастопольский государственный университет, 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.

OCHKURENKO Sergei, Doctor of Juridical Science, Head of Department «Financial and Tax Law» of Law Institute, Sevastopol State University, 299053, Russian Federation, Sevastopol, Universitetskaya str., 33. E-mail: svochkurenko@sevsu.ru

PROTSEVSKIY Viktor, Doctor of Juridical Science, Professor of Department «Civil Law and Process» of Law Institute, Sevastopol State University, 299053, Russian Federation, Sevastopol, Universitetskaya str., 33.

